

**АЛЕКСАНДР
ПЕЧЕРСКИЙ**

АЛЕКСАНДР ПЕЧЕРСКИЙ

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ1

Печерский, Александр.

ПЗ1 Нулевая гипотеза / Александр Печерский. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Исторические тайны. Работает спецотдел ФСБ).

ISBN 978-5-04-201318-8

Не успела страна отойти от шока после трагической гибели дятловцев, как в горах Алтая при тех же загадочных обстоятельствах погибает экспедиция профессора Тетерникова. Выясняют, что в нее зачем-то были введены двое сотрудников КГБ. Спустя 50 лет в чилийских Кордильерах схожим образом гибнет группа американских ученых. Причина смерти неясна, глаза жертв обезображены. Нападение беглых эзков? Пришельцев? Стихийное бедствие? Испытание секретного оружия?

Расследование поручают майору ФСБ Наталье Ростовской — волчице в овечьей шкуре, специалисту с уникальными дедуктивными способностями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Костенко А.А., 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-04-201318-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая ПЕРЕВАЛ СМЕРТИ

Алтай, ноябрь 1959

Костер постепенно догорал. Черная ночь спускалась с гор, все ближе подступая к альплагерю, и вот уже вокруг ничего нельзя было разглядеть, кроме красных огоньков мерцающих во тьме углей. Они продолжали весело потрескивать, изредка вспыхивая и на мгновения выхватывая из темноты лица сидевших вокруг костра людей. Профессор Тетерников, зябко кутаясь в куртку-канадку, не сводил глаз с сына Григория и его невесты Лизы — милой белокурой девушки, которая, положив голову Грише на плечо, внимательно слушала, как тот поет, перебирая озябшими пальцами струны гитары. Точно так же они сидели на даче у костра совсем недавно... Ели шашлык и, слушая альпинистские песни в исполнении Григория, любовались золотым убранством Серебряного бора. Подумать только, это было всего два месяца назад! Профессор стряхнул с себя наваждение и прислушался к песне:

Шуткам не учат в наших лагерях,
Если вдруг придется воевать в горах,
Вместе с ледорубом возьмешь ты автомат
И, как на страховке, сожмешь его приклад.

Александр Печерский

Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь ты гранату и записку в ней,
На скалистом гребне для грядущих дней...

— Молодые люди, пора устраиваться на ночь. — Профессор решительно встал и, неприязненно посмотрев в сторону, где особняком расположились два офицера КГБ, колдовавшие над спиртовкой, продолжил: — Завтра подъем в шесть утра. Мы в пяти километрах от места. Переход предстоит трудный, а потому советую хорошо выспаться. Всем спокойной ночи. — Профессор еще раз посмотрел на сына и, присев на корточки, начал расшнуровывать вход в палатку.

Москва, Беговая улица, д. 3, июль, наши дни

— Понимаете, мой Лева всегда был фантазером. Еще в молодости, а мы поженились в июне сорок седьмого, он, я хорошо это помню, постоянно перечитывал книгу Артура Конана Дойла «Затерянный мир». Тогда он просто заболел этим романом. Зачитал книгу, что называется, до дыр. Я, конечно, в душе по-доброму посмеивалась над этими его фантазиями. А он самозабвенно твердил, что обязательно найдет этот самый затерянный мир. С годами он и вправду становился похожим на профессора Челленджера. Помните, у Конана Дойла это весьма колоритный персонаж. Смешно, но Лева даже внешне постепенно стал похо-

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА

дить на главного героя этой книги. Стал таким же прямолинейным, грубоватым и бесшабашным, что ли...

Я не перебивала вдову профессора Тетерникова и, слушая ее, украдкой осматривалась. Профессорская семья занимала большую трехкомнатную квартиру элитного даже по нынешним временам «генеральского» дома на Беговой улице. Комната, в которую меня пригласила Маргарита Петровна, была большая — метров под тридцать. По-видимому, раньше здесь была профессорская столовая. Высоченные потолки с лепными гипсовыми карнизами создавали ощущение небывалого простора. Чешская стенка еще советских времен смотрелась в этом помещении совсем низкой, просто игрушечной, и, казалось, подошла бы скорее для домика куклы Барби, а не для этой просто необъятной комнаты. Впрочем, первое впечатление несколько компенсировалось длинными рядами застекленных светлых книжных полок, тоже чешских, в несколько ярусов идущих вдоль всей стены до самого потолка и до отказа заставленных книгами. Они располагались так высоко, что мне даже подумалось, что без помощи стремянки достать нужную книгу с самого верхнего ряда совершенно нереально.

— Мы переехали в эту квартиру сразу после свадьбы, в 47-м, — видимо по-своему расценив мой интерес к обстановке, пояснила Маргарита Петровна. — А до нас с 37-го и всю войну квартира стояла опечатанная. Сами понимаете... А потом... Потом, когда произошла эта трагедия слевой... — женщина запнулась, — в общем, у нас был обыск,

и всю мебель вывезли. Вот пришлось потом все новое покупать.

— А если не секрет, над чем работал ваш муж последние несколько лет перед той роковой экспедицией? — спросила я и осторожно, двумя пальчиками, подняла явно антикварную и почти невесомую чашечку, отпила маленький глоточек прекрасно заваренного зеленого чая с ароматом жасмина и так же осторожно поставила обратно.

— Милая моя, Лева никогда и ничего не рассказывал мне о своей работе. Они же с Гришей служили в каком-то секретном научном отделе при Академии наук. Но поскольку муж и сын были археологи, то я, конечно, могла примерно догадываться, чем они занимаются. Я думаю, — вдова горько усмехнулась, глядя на меня, — что исключительно археологическими раскопками. Будь они прокляты.

— А какими конкретно раскопками и где, вы не знаете? — продолжала настаивать я, плюнув на условности и пропустив мимо ушей горькую шутку собеседницы.

— К сожалению, — Маргарита Петровна развела руками, — здесь я вам помочь вряд ли чем смогу. Хотя постойте. За несколько дней до той злосчастной экспедиции Лева притащил домой небольшую картонную коробку. Я, естественно, сразу поинтересовалась, что в ней. А муж злобно зыркнул на меня и очень неохотно, прямо сквозь зубы, пробурчал что-то о фрагментах какого-то старинного щита. Я, правда, ничего не поняла, но, видя его состояние, расспрашивать дальше не стала. Да, точно, так все и было. А на следую-

щий день он снова вернулся домой позже обычного, и на этот раз в чрезвычайно возбужденном состоянии. И с таким, знаете, нездоровым блеском в глазах, прямо с порога, мне заявил: «Я, кажется, нашел его». Я, естественно, сразу спросила: «Кого?» Он посмотрел на меня, право слово, как на полную дуру и раздраженно пояснил: «Не кого, а что. Затерянный мир, конечно!» После такого заявления, как вы сами понимаете, мне оставалось только покачать головой и отправиться готовить Лева вечерний чай. Он пил только травяной, заваренный особым способом. И больше мы с ним к этому вопросу не возвращались. Он мне так ничего тогда и не рассказал, а я, конечно, обиделась и больше спрашивать не стала. А еще через несколько дней он уехал в ту экспедицию на Алтай и погиб.

— А ваш сын Гриша? Он тоже ничего не рассказывал вам о работе, которой занимался? — спросила я, отважившись попробовать кусочек домашнего вишневого пирога, который, впрочем, оказался просто восхитительным.

— Гриша был полной противоположностью отца. Очень расчетливый и практичный. Даже не знаю, в кого он пошел. Наверное, в моего деда. Тот до революции был купцом первой гильдии и тоже славился своей расчетливостью, порой граничащей с жадностью. Так вот, от Гриши чего-то добиться было вообще невозможно. На все мои вопросы он, как правило, отшучивался, по-видимому боясь меня обидеть прямым отказом. Но и только. Это скорее Лева со своей экспрессивностью в запале мог о чем-нибудь проболтаться. Но только не Гриша.

— Понятно. Скажите, а какие-нибудь бумаги профессора или сына у вас сохранились? Может быть, дневники прошлых экспедиций, записные книжки, письма?

— Что вы, деточка, какие бумаги? Я же говорю, после того как Лева погиб в той экспедиции, у нас дома был обыск, и они выгребли все, до последнего клочка бумаги. Ничего не осталось. Даже, как я уже говорила, зачем-то всю мебель вывезли. Мои письма к мужу и те забрали. Обещали, правда, вернуть, да так и не отдали обратно. Только библиотеку и вернули.

— Подождите, Маргарита Петровна, — мгновенно насторожилась я, — вы сейчас сказали: Лева погиб. А ваш сын Гриша? Он ведь тоже был в составе той экспедиции? Насколько я знаю, там, в горах, они погибли все? Или я ошибаюсь?

— Да нет, вы не ошибаетесь. Просто Гришу хоронили в закрытом гробу. Единственного. И мертвым я его не видела. Он так и остался в моей памяти живым. Поэтому я все еще и надеюсь. Наверное, на чудо. Вы уж простите меня. Сколько лет прошло, а я все жду. — Маргарита Петровна промокнула глаза старомодным кружевным платочком, потрянула головой и уже спокойным и твердым голосом сказала: — Не обращайтесь на меня внимания. Я и сама умом все понимаю. Просто, наверное, так жить легче.

— А вам сообщили что-нибудь об обстоятельствах трагедии? Вам известно, что произошло тогда в горах?

— Увы. Для меня исключения делать не стали. Так что мне известно лишь то, что и всем. Сказали,

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА

что сошла мощная снежная лавина и накрыла весь их лагерь. Хотя я и не понимаю, как такое могло произойти. Ведь Гриша был очень опытным альпинистом. Мастером спорта международного класса. На его счету, несмотря на молодой возраст, было уже немало достаточно сложных восхождений. В том числе и на Эльбрус.

— Маргарита Петровна, простите, но я должна задать этот вопрос. У вашего сына была девушка?

— У Гриши была невеста Лиза. Они собирались пожениться весной шестидесятого. Да видно, не судьба...

— А что с ней стало потом? Вы не поддерживали с ней связь после гибели сына?

— Она погибла вместе со всеми. Ее фамилия Каменева. Лиза Каменева. Она работала старшим лаборантом у мужа. И входила в состав той проклятой экспедиции, — женщина всхлипнула, и на глазах у нее снова выступили слезы.

— Простите, ради бога. Я не знала, — смутилась я.

— Ничего. Столько лет прошло. Я уже привыкла.

— А вам известно, что на рабочем столе вашего мужа была обнаружена очень странная записка? Как вы думаете, что профессор Тетерников мог иметь в виду, написав: «Я ухожу»?

— Я вам уже говорила, что Лева был неисправимым романтиком. И в некоторые моменты жизни вел себя просто как ребенок. Несмотря на то, что прошел всю войну. Поэтому я бы на вашем месте не стала придавать этой записке особого значения.

— Но ведь он действительно ушел. Ушел из жизни. Может, он предчувствовал что-то? Вы не заме-

чали ничего странного в его поведении в последнее время?

— Милая моя, если говорить честно, то вся жизнь моего мужа была чередой довольно странных, а порой и совершенно нелепых поступков. А посему вычленив последние дни перед экспедицией и оценить все, что происходило непосредственно до трагедии, я, извините, не могу. Пожалуй, самым странным было, как я уже, впрочем, говорила, его заявление о том, что он нашел свой затерянный мир. Хотя я думаю, что, скорее всего, в данном конкретном случае он выразился несколько иносказательно. Леве иногда были свойственны довольно витиеватые высказывания, смысл которых частенько не сразу доходил до собеседника. И потому я абсолютно уверена, что в данном контексте его выражение «затерянный мир» — просто аллегория. И не более того. Вы ведь, надеюсь, сами не допускаете мысли, что мой муж действительно нашел настоящий затерянный мир с такими живыми динозаврами и птеродактилями? И именно в том качестве, в котором мы привыкли представлять себе нечто подобное?

— Все может быть. Особенно в наше время. Я, честно говоря, уже привыкла ничему не удивляться, — вздохнула я. — Вам, как человеку советской формации и, так сказать, старой закалки, воспитанному к тому же на строгих атеистических принципах марксизма, конечно, трудно себе представить некоторые природные явления, ставшие в последнее время вполне обыденными. А скажем, лет так двадцать назад за одно предположение о том, что такое может быть, вполне реально

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА

было не только вылететь с работы, но и загреметь в лагерь, причем на немалый срок. Да что я вам рассказываю? Вы и сами наверняка все знаете не хуже, а даже лучше меня, как это все происходило раньше. Но теперь-то, слава богу, мы живем в другое время, и уже нет необходимости отрицать очевидные вещи или делать вид, что мы их не замечаем. Ведь так? Наука же не стоит на месте, и если уж говорить о всякого рода затерянных мирах, параллельных измерениях и тому подобных вещах, то волей-неволей приходится признаваться себе, что они существуют сплошь и рядом. А потому я не стала бы так уверенно отрицать возможность существования того, чем был так одержим ваш муж.

— Ну знаете, мы так можем, пожалуй, до такого договориться... Кстати, можно еще разок взглянуть на ваши документы?

— Пожалуйста. — Я извлекла из сумочки и во второй раз продемонстрировала Маргарите Петровне свое служебное удостоверение.

— Поймите меня правильно, — закончив внимательно рассматривать мои документы, хозяйка квартиры сняла очки и, положив их на стол, продолжила, — у меня в свое время тоже, правда, очень давно, был хоть и незначительный, но все же достаточно неприятный опыт общения с вашими, так сказать, коллегами. И я должна заметить, что тогда они вели себя совсем по-другому. Если не сказать больше... — Маргарита Петровна осеклась, не закончив фразы, и чисто машинально дотронулась тонкими пальцами до небольшого и еле заметного шрама странной треугольной формы на левом виске.

— Я догадываюсь, о чем вы, — поспешила я ей на помощь. — Но вы должны понимать, что в нашей, как мы ее сами называем, конторе существуют совершенно разные отделы. Например, подразделение, в котором работаю я, не занимается расследованием убийств, преступлений против государства и, как следствие этого, запугиванием фигурантов по делу, — нагло соврала я не моргнув и глазом, — а уж тем более свидетелей, — для пущей убедительности развела я руками, — поверьте, совершенно не наш профиль.

— Да и времена, слава богу, действительно изменились, — вздохнула Маргарита Петровна и стала убирать со стола.

Москва, следственная тюрьма, февраль 1937

— Фамилия, имя, отчество, год и место рождения? — коротко стриженный верзила в расстегнутом кителе немигающим взглядом покрасневших от бессонницы глаз смотрел на нее в упор. Вопрос прозвучал очень тихо. Следователь произносил слова, казалось даже не разжимая тонких бледных губ. И постоянно вытирал носовым платком короткую толстую шею и узкий лоб, на котором то и дело проступали крупные капли пота.

Машу же, стоявшую перед ним на подгибающихся от усталости и дрожащих от страха ногах, бил озноб. Зубы непроизвольно выбивали дробь, и взять себя в руки у девушки никак не получалось.

— Ну? Я жду, — следователь нетерпеливо посту-
чал пером по столу.

— Федорова Мария Дмитриевна, родилась в Мо-
ске в 1918 году, — запинаясь, тихо произнесла
девушка, чувствуя, что начинает терять сознание. —
Разрешите, я присяду? — из последних сил проле-
петала она и покачнулась, обхватив руками живот.

— Садись, — верзила кивнул на привинченный
к полу железный табурет. — На каком месяце? —
выразительно посмотрел следователь на уже хоро-
шо заметный живот девушки.

— Восьмой пошел, — ответила Маша и опустила
глаза.

— Замужем?

— Нет.

— Очень хорошо. Для вас это очень хорошо, —
констатировал следователь. — Скажите, а в каких
отношениях вы состояли с гражданином Камене-
вым Петром Васильевичем?

Теперь Машу бросило в жар. И тут же промельк-
нула ужасная мысль:

«Неужели знают?»

И, собрав остатки воли, она как можно равно-
душнее выдавила из себя:

— Ни в каких. Я работала в научной группе
профессора Каменева лишь вторым ассистентом
и всего несколько месяцев. Личных отношений
со своим непосредственным начальником не име-
ла, если вы это имеете в виду.

— Именно это я и имею в виду. Ну что же, это
даже очень для вас хорошо, что не имели никаких
отношений с врагом народа. Но как сотрудник
вышеупомянутого отдела вы должны были быть

в курсе всего происходящего в институте. Отсюда вопрос: вел ли профессор Каменев какие-либо антисоветские разговоры в вашем присутствии? Или, может быть, в присутствии других сотрудников? — следователь устало прищурился.

— В рабочее время ничего подобного я не слышала. Все наши беседы касались исключительно научных аспектов проблемы, которой мы занимались по долгу службы. А в свободное время я с профессором никогда не общалась. Насколько мне известно, после работы он сразу уезжал домой или в Академгородок.

— А если хорошо подумать? — Голос следователя прозвучал угрожающе-вкрадчиво. Он встал из-за стола и вплотную подошел к девушке. Волна липкого страха снова захлестнула ее.

— Об антисоветских настроениях профессора Каменева мне ничего не известно.

— Ну, допустим. — Громила отступил на шаг и опять внимательно посмотрел на Машу. — Бог с ним, с вашим профессором. Тем более что он освободил нас от хлопот, пустив себе пулю в голову. Буквально за полчаса до ареста. Кто-то предупредил эту сволочь. Но все дело в том, что главная проблема осталась. Меня интересует, куда делся весь архив профессора.

У девушки буквально перехватило дыхание. Сделав над собой невероятное усилие, чтобы не выдать себя, Маша как можно тверже сказала:

— Я не знаю. У меня не было доступа к таким документам.

Неожиданный и сильный удар по лицу буквально смел девушку с табурета. Она отлетела

НУЛЕВАЯ ГИПОТЕЗА

в угол и сильно ударилась о стену, едва успев инстинктивно прикрыть руками живот. Следователь вразвалочку подошел к Маше и, крепко схватив за воротник, сильным рывком поднял девушку на ноги. Платье затрещало, пуговицы, отлетая одна за другой, застучали дробью, прыгая по бетонному полу. Белый кружевной воротничок не выдержал, оторвался и остался в руках следователя. Тот, на мгновение отпустив девушку, брезгливо посмотрел на воротничок и швырнул его на грязный затоптанный пол. Но тут ноги девушки подломились в коленях, и она, не удержавшись, снова упала на бетонку. Оказавшись на холодном полу, девушка зажмурилась, ожидая очередного удара, а когда через минуту открыла глаза, следователя в кабинете уже не было. Маша отползла в сторону и, прижавшись спиной к шершавой стене, натянула задравшийся подол платья на колени. Почувствовав сильные толчки в животе, она замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. Падение не прошло даром. Ребенок в утробе матери продолжал толкаться. Мария попыталась успокоиться и прикрыла глаза. Через несколько минут хлопнула дверь, и в кабинет вошли трое.

— Не признается? — спросил один из вошедших, высокий капитан с неприятным прищуром глаз на узком бледном лице. — А она ничего, хорошенькая. В его неприятном говоре Маша безошибочно угадала прибалтийский акцент.

Следователь развел руками:

— Я с ней по-хорошему, а она не понимает.

Капитан с бледным лицом не спеша подошел к застывшей с широко раскрытыми глазами де-

вушке, наклонился и, взяв ее за подбородок, посмотрел прямо в глаза:

— Ну, будем говорить?

— Я правда ничего не знаю. Поверьте, профессор был очень скрытным человеком. Да мне он бы никогда не доверил результаты своих исследований, — быстро заговорила девушка, чувствуя, как ребенок в животе опять заворочался.

— Ну, предположим, тебе он не доверял, а кому тогда? Не мог же он застрелиться, не оставив надежному человеку свой архив? Понимаешь, какое тут дело. Обыски у него в городской квартире и в Академгородке результатов не дали, — доверительно наклонившись к самому лицу девушки, прошептал капитан. — А вчера «ЗИС» Каменева видели около твоего дома в Большом Гнездниковском. И причем, что самое интересное, уже не в первый раз. Ты ведь там живешь?

Уловив слабый кивок девушки, он продолжил:

— Мужа у тебя нет. А значит, что у нас получается? А получается, милая моя, что ребенок этот, — вдруг рявкнул следователь, — профессорский. И оставить документы он мог только тебе. Поняла? — заорал он и, схватив девушку за волосы и накрутив их на кулак, поволок по полу в центр кабинета.

— Так что либо ты нам все рассказываешь и показываешь, где документы, или, — он гадко усмехнулся, откровенно разглядывая исцарапанные ноги девушки в разодранных чулках, — или мы тебя прямо сейчас разложим здесь на троих, и это, я обещаю, будет самым приятным из того, что тебя ждет впереди. Ну? — рявкнул он, — будешь говорить?

— Поверьте, я, честное слово, ничего не знаю, — пролепетала Маша, судорожно одергивая платье и не сводя испуганных глаз с капитана, который, пожав плечами, уселся перед ней на жалобно скрипнувший стул, закурил и, забросив ноги в начищенных до блеска хромовых сапогах на стол, спокойным голосом приказал:

— Ну, тогда раздевайся.

Алтай, ноябрь 1959

Профессор Тетерников развязал тесемки рюкзака и достал с самого дна пухлую полевую сумку. Затем зажег «летучую мышь» и склонился над потертым целлулоидом, сквозь который хорошо была видна первая страница рукописи, исписанная стремительным угловатым почерком профессора Каменева:

«...14-го месяца Козы, 12-го дня Земли разверзнется *Syava sara* (черная голова) первой пещеры, что в *asta bann* (в восьми днях) от *arvant arpe* (быстрой глубокой воды), где пасутся *aspa ansura* (белые лошади) и тогда вспыхнет *sugda* (священный) и *ugra* (мощный) огонь. *Raxway* (пронзит) он *rita* (отца) и его *bala* (военную дружину). И предстанет каждый из них перед почившей. И откроются *drava* (врата) *putura* (сыну) со священным щитом, и не убоится он огня и станет мужем *Zariva* (царевны) на века. И тогда *sprada* (войско) его останется с ним. И обретет он *srapta sati* (бессмертие), и все *zarapua* (золото) мира будет его и не будет для него границ между миром мертвых и миром живых, ме-

жду прошлым и будущим. Когда высохнет русло реки. Все сможет он...»

Профессор убрал сумку обратно в рюкзак и, выглянув из палатки, крикнул в темноту:

— Гриша, вы еще не улеглись?

— Нет. Сейчас затушу костер, и будем устраиваться.

— Хорошо. Перед сном загляни, пожалуйста, ко мне.

Через несколько минут Григорий залез в палатку профессора и шепотом спросил:

— Что, папа?

— Завтра в районе десяти вечера мы будем на месте. Не забудь рюкзак с древним щитом. Войдешь в пещеру одним из первых. Запомни, что бы ты там ни увидел и что бы ни произошло, ты должен остаться в пещере. И ничего не бойся.

— А я ничего и не боюсь. Отец, а нельзя как-нибудь сделать так, чтобы вы с Лизой не входили туда? Или хотя бы предупредить ее, как себя вести?

— Это не поможет. Ты же читал текст, сохранившийся на скифском щите? Все должно закончиться хорошо. Так что не начинай заново. Мы с тобой все решили. Ты не хуже меня знаешь — обратного пути уже нет, — рассердился профессор. — Все. Иди спать и помни: Лизе ни слова, ни полслова. Иначе ты все испортишь. Ступай.

Григорий развернулся и, наклонившись, молча вышел из палатки в темноту ночи.

Профессор же неторопливо завязал тесемки на входе в палатку, снял куртку и залез в спальный мешок. Бросил взгляд на часы — 22.00. Снова